

БОСС МАФИИ.

ОДЕРЖИМОСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Марианна Кисс

18+

Марианна Кисс

Босс мафии. Одержимость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70010167

SelfPub; 2023

Аннотация

Бывший криминальный авторитет Фёдор Романов выходит из тюрьмы. Отсидев много лет за преступную деятельность, Фёдор решает заняться чем-то в рамках закона и у него это почти получается. Но жизнь вносит свои коррективы. Знакомство с Лилианой меняет все планы, которые строил Фёдор.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	39
Глава 9	47
Глава 10	54
Глава 11	61
Глава 12	67
Глава 13	73
Глава 14	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Марианна Кисс

Босс мафии. Одержимость

Глава 1

Много лет назад, уверенный в себе, целеустремлённый, вдохновленный, я пришел из армии с большим и горячим желанием работать честно. Зарабатывать бабки, строить бизнес. Заниматься своим делом и никому не мешать. Тогда мы с пацанами собрали, что у кого есть и открыли станцию.

В армии я поднатаскался в гараже. Как учебку закончил, меня сразу водилой определили на ЗИЛ на опасные грузы. Так я тот ЗИЛ вдоль и поперёк с закрытыми глазами разобрать мог и собрать, без лишних деталей. Опыт надо куда-то девать, вот и решили с пацанами, тачки – самое оно для бизнеса.

Только продержались мы недолго. Монополист один, тут по городу свои ангары пораскидывал и мы ему на душу, ну, никак не легли. Уже скоро нагрянули решалы, припугнули, так, мол, и так, сворачивайте, ребята, лавочку, пока мы не разозлились.

Ну, мы что, мы парни тоже молодые, горячие, плюнули на предупреждение, дальше себе честный бизнес ведём. Как-то однажды с утра на работу пришли, а нет нашей станции,

сторела, родимая... вот тогда мы тоже решили разозлиться.

Собрались, план начертили. Кто нашу контору заказал, известно, кому мы дорожку перешли. Спустя немного времени остался наш дорогой конкурент без одной из своих станций. Потом без другой. Третьей, четвертой. Когда осталась у него только пятая, притащились решалы. Мы к тому времени уже крепко сидим на своём месте, пушку раздобыли одну, потом обрез. Парни начали приходить, кто что. Романтика, было тогда время, когда я наслаждался, глядя на пламя горящего здания конкурента.

Потом неожиданно заказы пошли, прознали про нашу весёлую компанию люди. Не мы сами, людская слава приписала нам то, о чем мы даже и не мечтали. Не стали сопротивляться, перестроились, организовались. Тогда уже человек десять нас было. Потом ещё пришли мужики, от тогдашнего босса побегали, подумали, у нас лучше. Ответственность появилась. Короче, через два года моего прихода из армии у нас с мужиками был уже совсем другой бизнес.

Меня, как само собой разумеющееся, поставили главным. И повел я бизнес так, чтобы никому ни на что не было обидно. Как бы это сказать, по справедливости. Всё и всегда мы делали по справедливости, отбирали, наказывали. Но не убивали. Если умер кто, то это по случайности. Тогда ещё не был я заматерелым и ярым, казалось, в игры такие играем, в бандитские. Это потом, спустя лет пять, крепло наше сообщество, процветало, и в какой-то момент, помню, власть мне

голову всё-таки вскружила. Обнаглел, забыл про справедливость, начал браться за не совсем правильные дела. Наркоту сюда, оружие и всё, что само в руки шло, начали прибирать. Вот тогда, конкурента по-тихому, без свидетелей, шлёпнули. Там уже и менты на нас, и эксперты работали, и адвокаты, и даже судьи.

Много тогда я наворотил. Много. Боялись меня. Кожей чувствовал, боялись.

Ну, а потом пролез к нам в группировку стукачок. Так и накрыли меня, почти с поличным. Расслабился я, ляпнул, что не надо, а у того микрофон был на животе. Так и попался я, даже отмазаться не удалось. Резонанс. Такого бугра к ногтю. Властям в область нужно было отчитаться. Приписать удалось немного, но на пятнаху хватило, без права досрочного.

Сидя там, в своей камере, я часто, если не постоянно, думал – чего мне в жизни не хватало, в какой момент дорожка пошла в сторону. Почему не исправил? И каждый раз, доходя до места того, когда стоял я над пепелищем своей мастерской и смотрел на обугленные кузова тачек, всякий раз понимаю, иначе и быть не могло.

Всякая падла, которая ко мне по-плохому, получит плохое от меня.

Сейчас же, глянув на солнечные лучи свободы, на Лилиану, на квартиру эту, на миллион, решил завязать с яростью и неправильной справедливостью. Жить по-настоящему хо-

чу, как не пожил. Как люди живут, без всей этой херни бандитской, без вендетты, без оружия и наркоты, без проституток и конкурентов.

Хочу нормально пожить, только для себя... ну, и для Лили. Вот же, сучка, забралась в голову и теперь моими мозгами ворочает в какую ей надо сторону. Пора перестать думать членом. Пора показать, кто в доме хозяин.

Глава 2

– Ну, что, допрыгалась, додёргалась ногами? – злобно сказал Николаевич, когда я встала в проёме, – они нас всех убьют, из-за тебя.

Ткнул в меня кривым пальцем. А я стою, в голове суетливо носятся мысли, пытаюсь что-то вспомнить.

– Скажи спасибо, что я не усрался, когда этот свой ножичек достал и в зубах начал им ковыряться. А я хотел, но сдержался, потому что мне не тебя жалко, а себя, потом лежать и нюхать это дерьмо...

– Подождите, Николаевич, – не обращаю внимания на его пустую болтовню, – вы говорили, что Илью убили люди какого-то Графа, помните?

– Ох, спросила, я уже ничего не помню, я на этой кровати, такое ощущение, что всю жизнь лежу, ног не помню и руки скоро забуду.

– Да подождите вы, – я быстро подошла к нему, – вспомните, ещё следователь говорил, что после людей Графа уже доказательств не найдёшь.

– Ну, ты нашла что спросить, я и имя своё скоро забуду. Войдёт кто-то, скажет – привет, Николай, а я скажу – ась, вам кого. С твоими бандитами-друзьями я уже ничего не помню, ничего, говорит, возмущённо разводя руки.

– Николаич, родненький, вспоминайте, это важно, ну, что

мне к следователю идти? – почти нависаю над ним.

– Да кто его знает, кажись, говорил да. Вроде, когда решили забрать у Ильи бизнес, припугнули его, а он тоже не из пугливых, мой сын оказался, вот они его, гады... – и он заплакал тихо, тоскливо, протяжно.

Плачет он часто, так же, как и ругается.

– Никому я не нужен...

– Хватит, – присела рядом на стул, – достали вы. Только мне вы и нужны, как оказалось.

– Да я б тебя сам удавил, вот этими руками... тоже непутёвая... тьфу на тебя!

– Хватит! Всё! – резко встала. – Теперь по-другому жить будем. Вас, в интернат для инвалидов, а я... я замуж выхожу.

– Чего-о? – он приподнялся, на локоть оперся, вытер слезу, – ты чего это, кажись, сдурела? За кого, за этого бородатого? С ума сошла, у него же на лице написаны 4 класса, тюрьма малолетка и строгащ.

– Как вы прозорливы, – усмехнулась горько, только когда не надо.

Повернулась и пошла из комнаты.

– Лиля, не смей, слышишь, я не хочу в интернат!

– Тогда заткнитесь уже, а то и правда, позову его сюда жить, посмотрим, как вы запоёте.

Притих, под одеяло спрятался.

—

В эту ночь я не спала. Думала, решала. Что делать, как

быть?

К утру, когда сон всё-таки сморил, я засыпала с мыслью, что всё не так уж плохо. Они требуют от меня того, что и мне самой, оказывается, выгодно. Как я буду действовать, посмотрим по обстоятельствам. Не умею я складывать планы мести, но то, что я отомщу за мужа, за себя, за малого и за Николая, это точно.

Жди меня, Федя, жди.

Глава 3

Мастерская моя – лучшая в городе. Цены не задираю, оборудование по последнему слову. Вложилась основательно, чтобы надолго и стабильно. Мужиков собрал, кого где, лично за каждым приходил. Не все согласились на легальную физическую работу, кто-то остался под Платоном на черной зарплате. Это выбор каждого, я не настаиваю и не осуждаю.

Если у меня в башке перемены произошли – это не значит, что у всех то же самое. Чтобы в башке переменилось, нужно в такую передрыгу попасть, как я попал.

Работа наладилась, рекламу запустили, народ пошел.

Для семьи готов. Хоть и думал, что никогда уже для этого готов не буду. И даже не потому, что посмотрел на Машу, а потому, что само понятие одинокого волка ещё в тюрьме себя изжило. Хочу рядом бабу. Чтоб детей рожала, кормила меня завтраками, чтобы даже иногда пилила, а я за это пилил бы ее. Сейчас, как никогда, реально представилось. И Лилиана на роль моей жены – самая лучшая кандидатура. Такая, если полюбит, любому в глотку вцепится за семью, и я с такой точно не пропаду. Это она со мной может хвататься проблем. Но об этом уже поздно говорить, раз главный бизнес Платошке отдал, то и концы в воду.

Пусть управляется – мне не жалко. Только бы ко мне не совался. Да он и не сунется. Откупился и Бог с ним. Буду

строить хорошую жизнь и светлое будущее.

—

В дверь стукнули, я оторвал взгляд от экрана монитора.

Пытаюсь печатать, но пальцы не всегда на те кнопки попадают. Эх, надо было мне в тюрьме всё-таки почаще в компьютерный зал ходить. Там и наставник был, научил бы. Нет, я всё в книжках, по старинке. Туго теперь дело идёт, за каждым разом приходится к помощнику обращаться. Нанял парнишку для бумажной волокиты и вообще. Специально бабу не нанимал, чтобы на работе не о бабах думать, а о работе. Ну, и мужикам меньше соблазна ко мне в офис заглядывать. Можно было, конечно, пенсионерку посадить, но решил парня, этот все мои приказы тут же вниз спускает и шустро дела решает.

Дверь офиса открылась, заглянул Лёха – электрик.

– Босс, там внизу к тебе пришли.

– Кто? – недовольно оторвался от тупого печатания.

– Девушка, как бы.

– Что значит, как бы? – я глянул на Лёху, на его лице выражение неоднозначное.

– Ну, такая, скажем...

– Да что ты, объяснить толком не можешь, – я встал, подошёл к окну, где вся мастерская как на ладони и увидел... чтоб меня разорвало... Лилиану.

Но только от монашки-девственницы там не осталось и следа.

Стоит такая, ну, точно, как те придорожные плечевые шалавы. Это я так внутри головы, не вслух, подумал. Жвачку жуёт, что аж мне за пятьдесят метров, со второго этажа видно, как нахально она это делает. Ноги голые из-под каких-то шортиков торчат, каблуки больше, чем те, на которых возможно ходить. А сверху шубка, как типа из барана, но такие, в основном, шлюхи носят. И стоит Лили, на понтах, вся из себя, перед мужиками рисуется.

Вот это меня подорвало с места.

– Блять! Зови её сюда.

– Ага, – Лёха исчез за дверью.

Я нервно вздохнул. Глядя на то, как побросали мужики работу и ходят вокруг моей Лилианы, шо кобели, почуявшие течную суку.

Ну, сука, придётся точно паранджу на неё надеть. И припёрлась же сюда.

Стук каблуков по лестнице оповестил приближение моей секси-феи.

Пальцем дверь толкнула, входит, озирается. Есть в ней некоторые повадки клубной шлюхи. Зачем? Если сама таковой не является. Будем выбивать. А что делать. Не она меня, так я её буду перевоспитывать.

Я присел на край стола, руки на груди скрестил. Жду. Сейчас будет неприглядная порка по-любому.

– Ого, – говорит, – неплохо устроился. Ты значит, тут типа главный босс, – скосила вопросительно игривый взгляд.

– Я тут, типа хозяин.

– Нормально, – смотрит в окно, – то есть, вот они все делают то, что ты скажешь, тебе подчиняются?

– Ну, да, – усмехаюсь.

– Типа, что скажешь, то и сделают?

– Так и есть, – скажешь с её наивной простоты.

– И даже если скажешь человека убить, убьют?

Тут моя улыбка сразу спала.

– Ты о чём? – говорю холодно.

Теперь она улыбнулась, широко и весело:

– Да шучу я, что и пошутить нельзя?

– За такие шутки... в зубах бывают промежутки.

– Что?

– Да ничего, – быстро сменил тему и настроение. – Ты чего это так вырядилась?

– Как так? Обычно. Я всегда так хожу, – она, видно, вообще не поняла о чём я.

– Вот так ходишь всегда? – указываю на голые ноги.

– А что такого, я же не голая.

– Давай это, я сейчас пять минут доделаю кое-что и поедем, купим тебе нормальные вещи.

– Мои вещи – нормальные, – обиженно сказала она, села на диван и ногу закинула на ногу.

А у меня, на вот эти куски оголённого тела реакция однозначная, и вообще, на весь её шлюший наряд как-то сразу реакция пошла. Она ещё возьми, и ногу на ногу перекинь, как

Шэрон Стоун, во всем известном фильме. Тут, однозначно, не до работы.

– Так что, мы, Федя, с тобой делать будем, ты уже подумал?

– А что делать, создавать ячейку общества.

Лилиана посмотрела серьёзно, довольно улыбнулась, встала со стула и на меня пошла.

– Ячейку, говоришь?

– Ага, – явно доволен.

Подошла, встала у меня между ног. Я руки протянул, под шубейку эту жиденькую, обхватил тонкую талию. Выдохнул. Кажется, придётся нагнуть малышку прямо тут.

Глава 4

Смотрю на него и вижу лицо убийцы моего мужа. Лицо подлого, коварного, жестокого убийцы. Который ради наживы, ради нескольких сотен сраных баксов лишает человека жизни. Не задумываюсь, глядя прямо в глаза, вставляет нож в живот. Не заморачиваясь на ребёнка и жену, которых оставляет без отца, без мужа. Не вспоминает, да зачем, про парализованного отца. Мысли убийцы только о том, чтобы захватить кусок бизнеса, и стать ещё на один кусок богаче.

И эта тварь, это чудовище трахало меня. Когда узнала, я стояла под душем и мылась, мылась, пыталась смыть свой ужасный, ничем теперь не оправданный, грех. Я спала с убийцей собственного мужа. Этого не смоешь водой, не оттрёшь мылом и мочалкой, это внутри, в сознании, в коже, в голове. И это ужаснее, чем я могла себе представить. Страшнее, чем смерть, которую мне пообещали.

Кто же так распорядился, там, чтобы прислать мне именно его, строить ячейку общества. Кто такой весёлый на небе решил жестоко поиздеваться надо мной.

—

– Подожди, – кокетливо высвобождаюсь из его рук, – значит, ты решил серьезно заняться?

– Чем? – не понимает.

– Не чем, а кем – мной.

– А, да я человек вообще очень серьезный, ты просто пока мало обо мне знаешь, – говорит гордо.

Чувствую, начинаю его ненавидеть. Прямо сейчас, в эти минуты, зарождается во мне тихая, затаившаяся пока, ненависть с улыбчивым лицом.

– То, что мне нужно, я уже знаю, – говорю, интригуя.

– Вот как, и что ты знаешь? – в усмешке скосил губы.

– Да так, слухами земля полнится.

– Ну, и что обо мне говорят?

Я замаялась, чтобы порисоваться и показать ему, как мне эти слухи скучны и неинтересны.

– Говорят, что ты вышел из тюрьмы и что раньше был бандитом, – выдаю, как бы между прочим, словно обыкновеннейшую сплетню, которая не стоит и внимания.

– Надо же, – повел мощным плечом. – Это откуда такая информация?

– Девчонки говорят, подружки.

– Интересно прямо даже стало.

Повернул голову, положил ладонь на свою загорелую бычью шею. Все его движения, человека спокойного, уравновешенного. Выражение лица и взгляд ничем не выдают убийцу, но я-то знаю, кто он такой.

– Так это правда? – надула обиженно губы.

– Было дело. Отсидел пятнаху, – сказал, недовольно скривившись, словно не хочет вспоминать.

– Как пятнаху? – я окончательно выбралась из его объ-

тий.

– Вот так, от звонка до звонка. Как сидят – молча.

– То есть, ты пятнадцать лет сидел в тюрьме? – отстранилась.

– А что это меняет? – прищурился подозрительно.

Да действительно, что это меняет?

То, что он сам лично не мог убить Илью. А его люди? Точно, есть же ещё люди. Значит, по его приказу убили. Пока это всё трудно и неудобно укладывается в моей голове.

– Ты что, в тюрьме даже не занимался преступной деятельностью? – говорю, кошу под дурочку и жвачку сильнее жую.

– О чем ты, детка, какой деятельностью? Знаешь, что такое строгий режим? – пытается поймать меня за руку и протянуть.

– Нет, – совсем из себя идиотку корчу.

Тут в дверь постучали, и она сразу открылась. Заглянул мужик, работяга с перепачканным лицом, осмотрел меня тщательно с ног до головы и говорит, не отводя даже нахального взгляда:

– Босс, ты нужен.

– Минуту, – сказал ему Федор, а потом мне, – тут побудь, я быстро. Пять минут подожди, не уходи. Посиди пока на диванчике.

– Окей, – я сильнее зажевала жвачку, как будто собралась тут совсем заскучать.

Но как только он вышел за дверь и шаги затихли, быстро глянула в окно, увидела, как Фёдор с мужиком спустились по лестнице. Он обернулся, а я скорее улыбнулась и помахала ручкой. Усыпила подозрения. Хотя, что там усыплять.

Когда Фёдор скрылся в мастерской, я быстро пригнулась и на полусогнутых пошла к столу, полезла по шкафчикам. Увидела рядом со столом внизу, у стены, сейф. Подергала, ну так, на всякий случай, вдруг открыт.

Шарюсь по ящикам, как заправская воровка. Ну, а что делать, умирать-то не хочется, а тем уродам нужно что-то рассказывать про этого. Нехорошо, конечно, но мне вот сейчас прямо по хер.

Рыскаю по кабинету почти на карачках, хорошо тут ковровин постелен и как-никак коленкам мягко. Подползла к шкафу, привстала, выглянула в окно, не идёт ли кто. Вроде тихо. Открыла створку и смотрю. Что ищу, сама толком не знаю, может пушку, а может деньги, а может, документ какой-нибудь. Короче, не могу понять совсем, что должна найти, но обыскать – святое дело.

В шкафу какие-то папки. Стою на коленях, неудобно, каблучки ведь, перебираю эти папки. В них ерунда какая-то: списки машин, деталей, запчастей, рекламные буклеты.

Открыла одну из папок – счета. О, наверное, это важно. Открыла, читаю, снова перечисляются запчасти.

– Черт! Не то, не то, – положила на место, дверь шкафа закрываю... вижу ноги в черных джинсах.

– Любимая, тебе помочь?

—

Схватил я её за эту козлячью шубейку, приподнял над землёй чуток и спрашиваю:

– Какого это хрена ты делаешь, золотко?

У неё глаза по пять копеек. Лили в руке моей болтается, как лягушка, волосы на лицо упали, смешно, но мне, бля, теперь уже не до смеха.

– А, я, я, это, кажется... думала там, про машины почитать есть что-нибудь, вот хочу узнать всё подробно о деле своего мужчины, – проблеяла, как овца.

А во мне по крохе ярость закипает.

– Такими темпами, малышка, мне твоим мужчиной не стать. Говори, сука, что искала? Вон там, камера, я видел, как ты тут по шкафам копошилась. Говори, сука, на кого работаешь?

– Ни на кого клянусь, просто про машины...

– Заткнись, – процедил сквозь зубы.

Что-то озверел я, когда увидел её горячий энтузиазм порваться у меня в кабинете. Я себе такого не позволяю. Потянул её за шкурку из кабинета, только в другую дверь, не в ту, из которой она меня ждала. Я вошел через боковую, пока она в шкафу рылась.

Злость закипает не на шутку, давно я так не злился. Ру-

ка тянется смазать по лицу и тряхнуть, чтоб мозги на место встали.

Досада, однако. Чтоб та баба, именно которая мне понравилась, и оказалась крысой. Полный пиздец. Потянул по тёмному коридору. Крошка молчит, не трепыхается... Открыл дверку и толкнул туда любимую, а походу, теперь уже нет.

Она ручонками в стену опёрлась, чтоб не упасть на своих ненормальных сапожках. Нет, я понимаю зимой надень шубу и сапоги, но, бля, к чему тут ещё шорты. Но вопрос не об этом. Дверь я за собой закрыл. Тут у меня каморка, можно сказать, тайная. На всякий экстренный случай.

– Ну, что, будешь сама рассказывать или сначала ребра посчитаем, – говорю свою любимую когда-то фразу.

Глава 5

Вот сейчас вообще не тот человек, который меня только вчера мяском накормить собирался, а потом ебал, как последнюю выжившую женщину на острове.

Вот оно лицо истинного, прирождённого, жестокого убийцы. Перекошенное яростью и желанием не трахнуть, а раздавить, как блоху. Вот они ненавистные теперь черты. Запоминаю, чтобы смертельно ненавидеть.

А я-то всё думаю, в таком теле и ласковое теля. А нет.

Ошиблась, ого, как ошиблась. Может, даже и до смерти.

Фёдор надо мной, как циклоп над принцессой, мощные руки на груди скрестил, хищно прищурившись, меня рассматривает. Только уже не так, как вчера. Не с желанием и не со страстью в глазах. Сейчас это холод. Взгляд волка, готового в горло вцепиться. А мне вдруг так захотелось вернуть того, вчерашнего, да что там, ещё сегодняшнего, но только до того момента, как я по шкафам полезла. Нет его, и, видно, уже не будет. Испарился ласковый Федя. Исчез. Остался монстр. Хладнокровный убийца.

– Ты, Федя, оказывается, мразь редкостная.

Понимаю, что делаю, но не могу закрыть рот. Сказал же, болтливая, вот и доболтаюсь окончательно.

– Чего? Ну, давай, послушаю, какая я там мразь. Ещё вроде не наслушался.

– Ты людей убиваешь ни за что, только ради наживы, – вроде спокойно говорю, без дрожи.

А чего мне его бояться? Ну, конечно, совсем нечего.

Вот идиотка, сама себе яму рою.

– Было дело, и что? А ты значит, мстительница, пришла мне указывать, кого я когда убил?

– Мужа моего пять лет назад твои люди убили, – уже всё, серьёзный разговор у нас пошел.

– Какого на хрен мужа? Кажись, попутала ты.

– Ничего не попутала, Илья Чижов, помнишь такого?

Он смотрит своими глазками черными, на лице дума отразилась. Соображает.

– Что-то не припомню такой фамилии.

– Конечно, зачем тебе запоминать фамилии людей, убитых тобой или твоими людьми.

К стене прижимаюсь. В этой комнате жутко и темно, только одна лампа, направленная на меня. Моментами, из темноты показывается и снова исчезает лицо Фёдора.

– Разберёмся, – он повернулся, открыл дверь и вышел.

Щёлкнул замок, я оказалась закрытой в маленькой тёмной комнате. Первый момент судорожно соображаю, что произошло и как это может на мне отразиться. Я высказала ему всё, что думаю, но какой от этого толк. Подозреваю, они тут все такие, не будут со мной сильно церемониться, убьют по-тихому и дело с концом.

В смятении, в ожидании чего-то, я прошла по маленькой

комнате, остановилась у двери, прислушалась. Обернулась, поискала взглядом камеру и, конечно же, увидела в углу, почти у потолка, круглый, черный глаз.

Что делать, ума не приложу. Пришла сюда такая решительная, мстительница, а сейчас вся моя решимость куда-то подевалась. Улетучилась, стоило оказаться запертой и представить, что со мной сделают, когда точно поймут, что пришла за Фёдором следить.

Время пошло. Начался отсчёт, до того момента, когда кто-то из этих ублюдков меня убьёт. Не Фёдор, так Шило, не Шило, так Фёдор.

И какого черта я пошла к нему в ту гостиницу?

Надоело стоять, села на пол. Вытянула изо рта жвачку, прилепила к стене. Как память.

Осматриваюсь. А что это за комната вообще? И вдруг, до меня только сейчас доходит, что это никакая не кладовка, а самая настоящая комната для убийств. Вот пришёл конкурент или кто-то в кабинет, а Федя ему – пройдёмте, пожалуйста. И сюда.

Точно меня шлёпнут. И что-то как-то в животе сразу холодно стало.

Боже, как так могло произойти? Вот это вляпалась, так вляпалась. Неужели здесь всё и закончится? Перед глазами пронеслась моя жизнь. Самые светлые воспоминания, самые счастливые моменты. Разве она была бессмысленной, чтобы так глупо закончиться? Я не хочу вот так, ещё не всё сделала,

не всё сказала этому миру.

Глава 6

Интересная заковырка.

Пойди, скажи, какие случайности в жизни бывают неслучайные. Я ж её в том клубе сам, собственными глазами, выбрал. Точно помню за ноги да за шмоньку. А теперь, получается, она что, специально передо мной выплясывала или подослал кто?

Та не, не может такого быть. Совпадение. Но какое, ёпт. Таких совпадений не бывает.

Быстро спустился вниз, Лёхе мотнул головой, он руки вытер ветошью и пошел за мной в угол ангара.

– Чего? Не колетса?

– Подосланная, сто пудов.

– Ну, и чё делать теперь будем?

– Говорит, будто мои люди её мужа шлёпнули.

– Когда?

– Лет пять назад, какой-то Илья Чижов. Не слыхал о таком?

– Как не слыхал, у него мастерская мебельная была. Большая. Весь город ездил к нему мебель заказывать. Там ещё история была, отец его неудачно упал, шкаф какой-то делали, и типа, парализовало бедолагу.

– Так. А шлёпнул его кто? – спрашиваю.

– Кого, отца?

– Какого, бля, отца, я тебя про Чижова самого спрашиваю. Его кто шлёпнул?

– Так братец твой, походу, он же у всех бизнес отжимал тогда. Да и сейчас не гнушается. Мало ему, что весь город на цырлах перед ним ходит.

– Ты думаешь, Платоша приложился?

– А кто, мебель-то его теперь.

– Понятно, – почесал я подбородок. – Значит, эта сучка пришла мстить мне за то, что Платоша её мужа шлёпнул?

– Реально? Интересная экземплярша, – похабно усмеялся Лёха.

– Ну-ну, ты мне смотри.

– Та я же женат.

– Знаем мы, как ты женат, а по вечерам куда таскаешься. Это не моё, конечно, дело. Ладно. Ну, хорошо, а зачем тогда она в столе рылась? Если пришла мстить, то почему сразу не попыталась меня шлёпнуть?

– Ты это у неё самой спроси. А по истории с её мужем, мы вообще не при делах. Откуда такая информация?

– Ладно, пойду, допрошу с пристрастием, – вздохнул, – а ты, минут через пять зайди, как обычно. Вдруг вы*бываться начнёт.

– Окей, я только за, – криво усмеялся Лёха.

Обратно я уже шел в полной уверенности в своей невиновности в убийстве её мужа. Открываю дверь, а эта на полу сидит. Ноги расставила, руки разложила, глаза закрыла, как

будто вообще по хер, что её тут закрыли.

– Ну, что, выяснил я, мои люди твоего мужа не убивали, – говорю спокойно, дабы болтливую Лилиану утешить.

– Ага, а завтра Новый год, – усмехнулась, не веря.

Нет, ну, дерзкая, конечно. Походу, и не страшно ей. В такой комнатёнке все ссаться начинают, а эта уверенная. Пора пугнуть, посмотрим, что заговорит.

– Ну, смотри, бизнес сейчас у кого – не у меня.

– А может, ты продал его, чтобы снова потом нового хозяина убить и снова получить.

Нормальная версия, однако.

– Не, мы так не делали. Если отжал бизнес, под собой и оставляю. А сейчас он где? У другого человека.

– У кого? – глаза Лилианы злым огоньком загорелись, будто сейчас встанет и пойдёт к тому человеку.

Получается, я должен сказать ей, что мой кровный брат, без моего на то позволения, шлёпнул её мужа.

– Понимаешь, Лили...

– Не называй меня так! – говорит злобно.

– Понимаешь, Лили, – повторяю громче, – бизнес твоего мужа сейчас в руках нового босса и это не я.

– Скажи его имя? – начала с пола вставать, боже ты мой, корячится на этих каблучках.

– Это неважно, а вот меня больше интересует, что ты искала в моём кабинете?

– Что искала, того не нашла, – гордо голову вскинула.

– Если говорить не хочешь...

– Не хочу!

– Значит, придётся заставить, Лёха, заходи!

—

Открывается дверь и входит Лёха.

Из одежды на нём только брюки военные и берцы. Тело жилистое, загорелые, бугры мышц и татуировки, не те, что красивые, а такие, как у зеков в тюрьме, размазанные синими пятнами, какие-то уркаганские знаки. В руках у Лёхи две пары наручников.

Интересно, для чего две пары?

Смотрит недвусмысленно, сейчас, наверное, будет выбивать из меня правду. Только вот каким способом? Вид этого Лёхи в данный момент, даже пострашнее, чем тот Шило с ножичком. В голове моей быстро прикинулось кто страшнее и, прижавшись к стене спиной ногами и руками, я быстро заговорила:

– Не знаю я кто! Пришли какие-то уроды в мою квартиру. Один Шилом представился, другие не представились. Сказали, чтобы следила за тобой и им всё рассказывала. А если не буду, убьют меня и мою семью. Это всё.

Лёха обернулся на Фёдора, тот кивнул и этот, обнажённый по пояс Лёха, повернулся и вышел.

Да, умеют они правду выбивать только одним видом.

Но сейчас я уже стала немного мозгами ворочать и понимать, что этот в тюрьме был, а на хрена ему там, в тюрьме мебельный бизнес?

Глава 7

– Значит, имя не скажешь? – требовательно смотрю на Фёдора.

– Ну, зачем это тебе, хочешь, чтобы действительно шлёпнули?

– Хочу посмотреть на убийцу своего мужа. А потом сделать так, чтобы его арестовали и посадили.

Фёдор вздохнул, дверь открыл.

– Пошли, – говорит.

Мы вышли из тёмной коморки, вернулись в кабинет. Фёдор остановился посередине, будто что-то забыл и вспоминает:

– Сейчас, домой отвезу тебя.

– Не надо, спасибо, и так много уже сделал, – сказала с сарказмом, стоя у двери.

– Обиделась?

– На что? – посмотрела гордо.

– Зато мы выяснили, кто есть кто. И от этого уже будем плясать.

– Знаешь, Фёдор, это ты уже сам пляши, без меня. Я отказываюсь. К тебе всё равно кого-то пришлют. Они сказали, тебе сейчас всё равно, кого трахать.

– Так и сказали? – удивился как будто.

– Да, – я повернулась, – я могу идти?

Он кивнул, я вышла и толкнула дверь. Она захлопнулась, разорвав наши отношения навсегда.

Всё. Это конец.

Можно идти домой и ждать убийц.

—

Вот, кажется, не мое собачье дело, а обидно. За нее обидно.

Раньше как, совсем в истории не вникал. Быстро, тихо, отжимали бизнеса. Когда по заказу, когда себе. Кого почикали помню, конечно. Есть грех.

В тюряге все замолить пытался. Помню, на третий год священника сменили, пришел на место отца Романа отец Елисей. Как-то слово за слово ненавязчиво так, в споре, донес он до меня некоторую неправильность моих жизненных суждений. Я долго упирался, доказывал его неправоту и особо не лез в ту церковь, что там делать грешнику. Но тихо, не нахрапом Елисей на многое мне тогда глаза открыл. Понял я это, только когда сказали – помер он. От чего, я так точно и не узнал. Вроде была у него какая-то застарелая нелеченая болячка. Но суть в том, что пошёл я, помолиться. Встал, помню перед образом и дал себе обещание – ни одной живой души не тронуть больше. Тогда я, как бы со стороны это понял, не в личном порядке, а вообще.

А тут, получается, как ни крути, дело не только Лилианы,

оно и меня теперь касается. Потому чувствую, она только что вышла из кабинета, а я уже хочу, чтобы вернулась. Что за хрень, будто зависимость какая.

Сел за стол, достал сигарету, подкурил.

Несколько раз затянулся, а в мозгу работа кипит. Это что значит, получается, миллион дал, квартиру отстегнул, а теперь бойцов подсылает, чтобы мою бабу страшать. Они-то не знают, что баба – моя. Я ж её неофициально, во всеуслышание своей назначил. Походу думают, что она просто шлюха, которую я ебу.

Но Лилиана не шлюха. Нет, не шлюха... мотнул отрицательно головой, вспомнив, в каких шортиках она только что от меня ушла. Просто вкуса нет, это да. Малышка слегка перегибает с одёвкой То в одну, то в другую сторону. Удивляет своими образами разносторонними. То словно монашка нарядится, то вылитая шлюха. Как хочешь, так и понимай, кто она на самом деле. Придётся к хорошему вкусу приучать. А что, мне не лень, и времени до хрена. Но разговор сейчас не о том.

В дверь Лёха заглянул.

– Ну чё, едем?

– Едем, – я затушил бычок в пепельнице и встал с места.

– Он, наверное, не ждёт нас.

– Ты, если что, осторожнее там будь, смотри в оба.

– Обижаешь, босс.

Лёха – бывший десантник, морской пехотинец. Он как ни-

кто знает военную науку и если что, может справиться с тремя-четырьмя налётчиками. Ну, и я пару-тройку уложу, если, конечно, они не со стволами, а с ножичками. Мы парни не из серливых. Только кто сейчас с пером ходит? Эта романтика прошлая. Сейчас без ствола ты никто.

Идти в дом Платона второй раз не хочется, а надо. Прояснить малёха, что за цирк он тут устраивает. Кажется, решили, что он босс, я ни при делах. Подозреваю, не верит мне окончательно, думает, замышлять против него стану. Ссылливый идиот.

Оно мне и на хер не всралось. Что я дебил, соваться к нему, с его до зубов вооруженными гориллами. Один Толян среди них, чего стоит.

Но идти придётся.

Сели с Лёхой в мой пикап. Поехали.

У дома Платона вышли, ждём, когда же нас заметят. Пять минут прошло, пока охранник вышел.

– По какому вопросу?

– По личному, – охренел я о такой церемонности.

– Вам назначено?

– Ты чё, охуел, давай пиздуй к боссу, скажи, брат пришел, поговорить хочет.

Тот недовольно скривился на меня и посмотрел, прямо скажем слегка невежливо, да даже и не слегка.

– Да, было время, – вздохнул Лёха, почти мне на ухо, – раньше он бы себе такого не позволил.

– Тихо. Мы люди цивилизные, нам на их взгляды наплевать. Только прошу тебя, держи себя в руках.

– Само собой.

Ворота начали открываться. Въехали мы во двор. На крыльце никто не встречает. Вышли из машины. Поднялись по ступенькам. Входим в дом. Тихо, как в могиле. Прошли до гостиной. Платошка у окна стоит. Обернулся, как вошли.

– А, Федя, я тебя ждал.

– Интересно, а чего это ты меня ждал?

– Я же тебя знаю, ты спокойно жить не можешь, нормальная жизнь не для тебя, – палец в рот засунул, в зубах ковыряет. Манеры.

– С чего ты это взял? А я вот как раз нормально пожить хочу, так ты же не даёшь, всё каких-то уродов подсылаешь.

Он усмехнулся:

– Рассказала всё-таки.

– Ну, так под страхом смерти любой расскажет, пугнуть пришлось. Неужели ты думал, я вот так и буду, как дурачок, тебе на слово поверив, работать. У меня тоже не слишком большое к тебе доверие имеется.

– Тут мы с тобой солидарны, – он посмотрел на Лёху, который стоит всё это время чуть сзади, – можем мы поговорить откровенно, без свидетелей.

Лёха повернулся, открыл дверь и вышел.

Платон подошел к барной стойке, поставил два стакана, плеснул в них буквально на дно.

– Хочу поговорить с тобой как брат с братом.

– Ну, давай, – я подошел к стойке и сел на стул.

Платон взял бокал, выпил всё одним глотком.

– Э-э-э, – дернул головой, – хорошая штука, – указал на бутылку.

Я потянулся, взял бокал, ну, что, можно и выпить глоток, для связки слов. Хлопнул, в горло влил, проглотил обжигающий напиток, даже не скривился.

– Я, Федя, вот что думаю, – всё ещё кривится Платон, – ты ведь недолго будешь жить вот так, честно. Скоро начнёшь озираться, по сторонам смотреть. Жадность-то в тебе не померла ещё, желание власти, желание держать город в страхе, ну, как раньше, – улыбнулся он, моё прошлое вспоминая за меня.

В ответ я только мотнул головой.

– Ошибаешься. Завязал я. А тюрьме ещё решил – баста. Не нужно мне это. Если бы ты хоть раз меня проведаль, а не свои подачки присылал, понял бы, другой я теперь человек, братишка.

– А я вот не верю тебе, – ухмыльнулся он.

– Ну, это уже твоя личная паранойя. Сам с ней и живи, а меня не трогай и Лилиану не трогай.

– Стриптизёршу, что ли?

– Именно её. Чижову Лилиану, мужа которой ты шлёпнул и мебельный бизнес отжал.

– Так это у неё... – он удивлённо приподнял брови, – ну,

извини, работа у меня такая, отжимать, забирать и управлять.

– Да я же не против, работай, только ко мне не лезь. Тогда я не буду лезть к тебе.

– О как? – насмешливо губой дёрнул.

– А что ты думал, я под твоими камерами буду жить? Чтобы ты каждый мой шаг записывал в блокнотик.

Платон вздохнул.

– Ну, что поделатъ, не верю я тебе, Федя, ну, не верю.

– Чего не шлёпнуть тогда? Вот большую проблему и решишь.

– Не могу. Брат ты. Совесть не позволяет.

– Совесть? – удивлённо приподнял я брови.

– Да, она, сука, только в этом случае и не позволяет. Пони-маешь. Любого могу отдать приказ завалить, а тебя не могу.

– Спасибо за такое откровенное признание. Только ты, Платон, от меня тоже признание получи, раз уже у нас братский, можно сказать, разговор вышел. Я живу нормальной жизнью. Вышел из тюрьмы. Мне проблемы с законом ни к чему. Хочешь верь, хочешь не верь, но это правда.

– Я-то тебе верю, но... не знаю, короче. Ладно, скажу бойцам, чтобы не трогали твою кралю.

– Вот это спасибо, – глянул на него, он сидит, улыбается.

И что-то улыбка его расплываться стала в оскал какой-то волчий.

Я моргнул, открываю глаза, теперь ещё хуже. Два Платона.

– Что за... херня? – ладонью по лицу провел и смотрю... ладони две, – сука.

– Давай, Федя, увидимся, может ещё, – говорит Платон, встаёт и исчезает.

Я на стойке поник как-то. Гулко в голове отдаются чьи-то шаги. И совершенно четко ощущаю укол в шею, ну, а за ним темнота. Только почувствовал, как грузно свалился на пол. Глаза приоткрыл в щёлки, стоит надо мной человек. Не Платон... и улыбается. Зубы белые, белые, а лицо вроде незнакомое... Что ещё за хуйня?

Глава 8

Резко сел на бетонном полу, схватился за голову. В мозгу, словно чугунным рельсом по черепу, железный, непрекращающийся звон.

– Бля, – прохрипел.

Разлепил тяжелые веки и... ничего не увидел.

Мрак. Вот реально, такой жопы я совсем не ожидал. С трудом выровнял кривую мыслей. Потянул шею, вытянул вперед руку. Кажется, знаю где я. В этот подвал я сам не раз и не два должников забрасывал. А теперь тут я, собственной персоной, и сдается, кинули меня сюда не для того, чтобы выпить со мной ещё раз.

– Сука, – тряхнул головой, разгоняя наваждение от какой-то херни, попавшей мне в кровь.

Во мраке ничего, кроме безумной пляски демонов, ожидающих меня на пороге ада. Чую, будет мне страшный и неминуемый, совсем скоро. Уперся рукой в пол, попытался встать, но не могу поднять собственное тело. Отшатнулся с места и влип во что-то... мягкое.

Рукой лапнул, остановился. Замер выжидательно. Человек. Рядом со мной лежит человек.

– Эй, Лёха, – толкнул в спину лежащего. Тело шатнулось. Явно человек без чувств и что-то подсказывает, что это всё-таки Лёха.

Пальцами полапал по спине, по голове, нащупал лицо. Толкнул, шлёпнул ладонью, приводя в чувство и... почувствовал что-то мокрое, липкое.

– Лёха, бля, что с тобой? Вот сука, – тронул шею, не могу нащупать пульс или нет ничего.

Переместил пальцы в другое место, тоже нет пульса. Приподнялся, но снова качнулся на место. Встать не могу, а надо. Руки уже все в крови. Запах. Густой, сладковатый запах смерти бьёт в нос, отрезвляя и заставляя, шатаюсь, раз за разом пытаться встать.

Я не серливый, но вся эта лабуда что-то не очень мне понравилась, и внутри защекотало стойкое чувство опасности, нависшей надо мной, как никогда ещё не нависала.

– Мать твою, вот это передряга.

Бывали когда-то моменты, закипал адреналин, но чтобы вот так вспрыснулось, это впервые. Дернулся сильнее, поднял окровавленную руку, нащупал стену, уперся и начал вставать. Вот они где девяносто пять негодились. Что угодно могу поднять, себя не могу. Пальцы скользят по крашеной стене, упор нечёткий, не удерживает тело.

С трудом и не с первой попытки удалось встать на ноги. Держусь за стену, ногой уперся в тело человека. Понять бы, Лёха или нет.

Если братец меня с трупом закрыл, значит, решил избавиться. Всё уже. И поделать же ничего не могу. Не пойму только, нахрена кололи, можно было сразу и туда. Тут явно

какой-то замысел.

Глаза пытаются привыкнуть к темноте, но это невозможно. Как можно привыкнуть к крошечному, пропускающему мраку. Уперся в стену ладонями, стою, вытряхивая из головы насильно затолканную туда дурь.

Вроде светлеет в мозгах, да не светлеет в подвале. Минут пять прошло, стало ещё лучше. Не от осознания, что нахожусь в чёртовом подвале с трупом, вероятнее всего, Лёхи, а от дряни вроде голова начала очищаться, руки заработали, ноги крепче встали.

Вспоминаю, как выглядела эта комната, когда я в неё когда-то, хуй знает когда, входил.

Квадратная, с грязным бетонным полом. Три на четыре где-то. Протянул руку в сторону по стене. Нет угла. Сделал шаг в сторону, уперся ладонью в стену сбоку. Если мы под этой стеной, значит дверь где-то сзади.

Пока оторваться от стены не решаюсь, чтоб не рухнуть тут снова. Постоял немного и пошел по периметру, упираясь в шершавую поверхность руками. По-любому на дверь наткнулся. Несколько шагов, ещё несколько, и стена закончилась. Проём дверной. Пальцами уперся в холодную сталь двери.

И только уперся, тихий скрип подсказал, что дверь не закрыта. Я замер, прислушиваясь. Как так? Свалили нас сюда, как мешки, и дверь не закрыли?

Может, подумали, что я тоже труп?

Да нет, трупы в подвале прятать, такое себе. Их в лес закапывать возят или на озеро с привязанным камнем в ногах. Наверное, наоборот подумали, что Лёха не помер и его сюда ко мне живого, а он, видно, уже в подвале смертушку принял. Не повезло Лёхе сегодня. Ну, Платошка, у меня за всё получит.

Толкнул дверь сильнее, она поддалась и появилась полоска тусклого света. Сразу стало легче глазам, темнота хоть и не полностью, но рассеялась. Я обернулся на человека у стены. Лёха. Конечно. Глаза открыты, на горле сбоку небольшое круглое отверстие запеклось, потемнело уже. На полу лужа крови.

На хрена они его? За что, бля? Понятно за что – за верность мне.

Иду дальше, дверь сильнее толкнул, проскрипела и затихла. А там тишина. Точно вымерли все. Может, и правда вымерли?

Пришёл, как можно тише ступая, по узкому коридору. Подошел к двери, ведущей вверх. Если она закрыта, то понятно, почему дверь в подвал не закрыли. Положил ладонь, осторожно надавил... тоже поддалась.

Что за хрень? Все двери открыты. Неужели думали, что я жмур?

Нелогично что-то.

Сделал два шага по ступенькам, коридор, по нему стараюсь идти тихо. Какой-то звук нарушил тишину. Разговор.

Только не в реале... телек. Кто-то спокойно смотрит телек, пока я в подвале валяюсь рядом с Лёхой с проколотым горлом.

Иду ещё тише, двигаюсь, как тигр, огромный, но бесшумный. Убью любого, попадись только кто на пути. Дошел до края стены, прижался всем телом. Затих.

Пару секунд передыха, в голове ещё не совсем в порядке. Выдохнул, повернулся, выглядываю осторожно.

И что я вижу, на полу лежит человек, повернул ко мне голову, а на лице застыла маска смерти... Платон!

—

Бросился к брату.

– Бля, сука! Какого хрена! – хотел тронуть, помочь, встать, не верю, что он мертв... но резко остановился, обернулся, сквозь голоса в телевизоре новый звук – вой полицейской сирены.

Выкатив глаза, не веря в происходящее, обвёл взглядом комнату. Будто хочу увидеть, что где-то тут притаился убийца, смотрит на меня и тихо усмехается, радуясь, в какую глубокую жопу он меня засунул.

Безупречная, продуманная, идеальная подстава.

Человек, все это сделавший, – гений, каких поискать. Прямо чувствую занесённый над моей тупой головой меч хитрого убийцы. Только меня убивать он не намерен был.

Зачем? Если можно навесить на меня всех собак, всё, что можно. И если меня заметут, тогда с зоны уже никакой свободы век не видать, даже из-за прутьев решётки.

Очень умно.

Так умно, что от страха быть пойманным у меня не то что подмышки, спина и жопа вспотели. Как загнанный зверь метнулся к лестнице.

Память подбрасывает единственное правильное в этой ситуации решение. Только вот хер поймёшь, тут за эти годы все поменялось, от моих задумок мало чего осталось.

Было дело, сделал когда-то тайный ящик, схрон, для всякой незаконной херни. Если он ещё есть, то может быть мне сегодня... повезёт. Не стал раньше времени предвидеть удачу, рано загадывать, можно спугнуть. Стремительными, метровыми шагами иду наверх.

В доме никого. Оставили, свалили, чтобы мне одному сольная ария досталась.

Что ж, суки, посмотрим!

У меня уже выбора никакого: либо в ящик, либо на зону до конца своих дней. Так все обставлено, чтоб не выбрался я уже никогда.

Подхожу к спальне, когда-то своей, теперь хрен знает, что за комната. Толкнул дверь. Так и есть – спальня. И кровать та же. Слегка сменили интерьер, но не сильно. Даже вспомнились некоторые моменты, но сейчас не до них. Животный инстинкт добычи толкает прятаться.

Я упал на пол, на пузе полез под кровать. И мне уже похер, знает кто-то про шкаф или нет. Хочу спрятаться, даже если это будет последнее, что я сделаю, перед тем как навсегда потеряю свободу.

Шарюсь под кроватью, а в висках пульсирует звук сирен.

– Где она, сука?

Паника начинает овладевать впервые за много лет. Животная паника загнанной в угол жертвы. Ещё соображаю, нельзя трогать окровавленными руками, но под кроватью уже не до того. Похер. Приходится водить ладонями по полу, в поисках рычага.

Понимаю, именно эти движения выдадут меня, стоит кому-то пришедшему заглянуть под кровать. Но мне уже на все насрать, лишь бы свалиться в потайной ящик и возможно спастись. Это единственная, последняя возможность. Другой просто нет.

Слышу стуки, шаги разбежавшихся по дому людей.

– Полиция, выходите, подняв руки! – выкрикивает кто-то ещё внизу, и я понимаю, что у меня всего несколько чертовых секунд, начинаю в отчаянии бить по полу и... автоматическая крышка открывается, и я проваливаюсь в подпол, под кроватью.

Движение. Ставлю крышку на место, закрываю щеколду.

Замер, не дышу в ящике длиной в человеческий рост и шириной в метр. Как под себя делал. Видно, не зря. Я тогда мужикам хорошо заплатил за секретность. Даже Машка не

знала про этот шкаф. Если бы узнала, что спит над схроном с калашами и всякой хернёй, не сильно была бы довольна.

А мне тогда не до сантиментов было. В опасность игрался и мне даже в кайф было мнить себя оружейным бароном. Вернее, Графом. Тогда мне такое погоняло дали. Типа Романов, давай царем будешь, а я типа нет, Граф – хорошо звучит.

И сейчас лежу, херов Граф, слышу как ходят легавые подо мной и надо мной.

Замер. Найдут – найдут.

Ну, а нет, тогда я, сука, найду того, кто весь этот замес устроил. Найду и печень вырву, за Лёху, ну, и за брата. И хоть он говнюком был, но он – брат мне.

Глава 9

Домой вернулась и чтобы отключиться, не думать об этих событиях, занялась уборкой. Я когда сильно нервничаю, начинаю убирать.

Думала, отвлекусь, куда там. В голове засело и никакими способами оттуда не вытянешь. Честно сказать, струхнула я. Испугалась. Федора испугалась. Голоса и этого жёсткого взгляда, совершенно чужого.

Я-то за эти дни решила – мой он человек. Ошиблась. Даже если Илью не Фёдор убил, с ним мне тоже водиться не стоит. Вон, какие бандиты им интересуются, не простые люди. В их мире всё предсказуемо опасно. Пострелять, ножичками помахать. Не хочется однажды стать жертвой их криминальных разборок. Мне о ребёнке нужно думать, а не о мужиках.

В комнате пропылесосила, полезла пыль протирать на люстре. Встала на табуретку, ажурные цветочки стеклянные протираю и дальше рассуждаю.

Всё, потрахались и разбежались. Забыли. Фёдор в свою сторону, я – в свою. Ещё бы работу поменять совсем, хорошо было бы. Достало уже ноги перед уродами раздвигать. Эх... если бы. Может, сходить в ДК, попробовать хоть на неполную неделю танцы преподавать.

А деньги где брать? Там, с тех танцев, копейки, только на квартплату и хватит.

Вздохнула. Никак не получается разругать свою жизнь, чтоб легко пошла, непринуждённо, бесппроблемно. Вечно какие-то крутые в ней повороты. Тишины хочу. Спокойствия. А уж будет человек, хорошо. Не будет – ну, и не надо. Одной нелегко, но всё же полегче, чем с мужиками и их проблемами.

Нет, все забыла. Оставила. Придут эти уроды, скажу – он меня выгнал, не понравилась.

И тут же взгляд Фёдора вспомнила – раздевающий. Эх.
– Лиля! – хриплый голос Николаевича потревожил мысли.

Я спрыгнула с табуретки. Пошла в комнату к свёкру.

– Ну? Чего орёте?

Смотрю, за грудь держится, пальцы в кулак сжал и как будто надавить пытается.

– Ты это... вызывай... наверное, скорую... что-то плохо мне...

– Вы чего это, Николаич? Что? Сердце? – кинулась к тумбочке за таблетками.

– Лиля, дай нитроглицерин, таблетку.

Нашла, дала ему, он быстро ее в рот и снова за грудь держится. Я к телефону, трясущимися пальцами набрала номер.

– Алло, скорая? Тополёвая двадцать три, квартира пять! Человеку плохо! Наверное, сердце! Скорее, пожалуйста!

Десять минут бегаю по квартире, все время подбегаю к Николаевичу. То воды несую, то полотенце мокрое на голову,

то ещё что.

Набрала малого, сказала, чтоб домой быстро бежал.

– Держитесь, Николаич, сейчас будет лучше, – уговариваю свёкра.

Вернулся Егор.

– Где ты лазаешь, деду плохо, скорая сейчас приедет. Иди, внизу подожди, доктора проводишь.

Егор вышел, как всегда недовольный, что гулянку ему прервали.

Приехала скорая, врач, невысокий, молодой мужчина, посмотрел, медсестра сделала укол. Успокоили немного, но всё-таки решили Николаевича в больницу забрать, под наблюдение.

Я манатки собрала, села с ними в машину, ехать в больницу. Малого на хозяйстве оставила.

Доехали быстро. Скорая остановилась, я выскочила. Свекра на каталку переместили и повезли. Мне сказали зайти с другого входа. Остановилась, смотрю в след удаляющейся каталке.

Страшно. Чего это он вдруг? Не хочется, чтобы Николаевич помер, родной ведь человек.

Пока стою, ещё одна скорая подъехала. Двери открылись, врач ловко выпрыгнул и говорит кому-то, кто в машине остался:

– Подожди, тут у них нормальная столовка. Тебе сколько пирожков? Этому-то всё равно уже, а мне работать ещё до

вечера.

Он отошел. А я только на секунду голову повернула, на одну долю секунды и... увидела знакомое лицо. Вернее... мертвое лицо, мертвого человека.

Тот самый – Лёха.

Трудно не узнать. Кажется, лицо его мне теперь в кошмарах будет сниться.

И вот он, этот самый человек, лежит в машине скорой помощи, абсолютно мертвый. Цвет лица, запекшаяся на шее кровь, стеклянный взгляд, мутные глаза мертвеца.

Обалдевшая, смотрю на него, не могу пошевелиться.

– Ну, что же вы, пойдёмте оформлять дедушку, – выкрикнул кто-то и я, вздрогнув, вспомнила, зачем здесь нахожусь.

Поспешила за медсестрой в приемный покой. Там уже, не торопясь, рассказала доктору всю подноготную болезни Николаевича. Даже забыла про увиденный мной только что труп мужчины.

Меня провели в палату. Я села на стул у кровати свёкра, грустно смотрю на него. Только сейчас, в другой обстановке, заметила, как он постарел. Когда-то сильный, волевой, властный мужчина, теперь почти старик, больной и немощный. Рядом аппарат, в вене игла капельницы. Одно не поменялось, выражение его лица, как всегда, сердитое. Вечно мной недоволен.

– Говорил я, твои гулянки до добра не доведут, – выды-

хает слабо.

– А при чем тут вы и мои гулянки, как вы их называете? – огрызаюсь.

– При том. Все взаимосвязано, Лиля. Всё вокруг взаимосвязано.

Разговор, как обычно, не заладился. Я не стала долго сидеть.

Когда вышла из больницы, на улице было уже темно. Почему-то, глядя в тёмное небо над головой, снова в голове прокрутила слова Николаевича «Все вокруг взаимосвязано». Тут же вспомнился стеклянный взгляд мертвеца.

Но если этот Леха сейчас в морге, что могло произойти и где теперь Федор по кличке Граф?

Всего лишь вопросы в моей голове. Не пойду же искать Федора, чтобы узнать, что случилось с Лёхой. Это их, бандитские разборки, и мне туда лучше не соваться.

Достала телефон, вызвала такси. Сегодня в ночную смену и уже пора на работу. Из такси позвонила малому, сказала, что придется ему сегодня самому ночевать. Он как будто даже обрадовался. Я-то знаю почему. Сейчас позовет Макса ночевать или к нему пойдет.

– О, мам, я тогда к Максиму пойду ночевать. Можно? – говорит довольный.

Это и лучше. Там он под присмотром мамы Макса.

– Можно, только веди себя прилично, чтобы потом его мама мне на тебя не жаловалась.

– Окей, мама, спасибо!

Пусть хоть так, лишь бы не один.

--

В клубе, на удивление, народу немного. Три столика перед сценой заняты и ещё несколько подальше.

Я прошла в гримёрку, там уже Мими и Софа в костюмы одеты. Красятся.

– Привет всем, – бросила сумку на свой стул.

– Лиля, привет. Слышала новость, Романова завалили, – Мими с выпученными глазами ко мне повернулась. Как будто только и ждала, как войду, сразу выдать новость.

– Какого ещё Романова? – говорю недовольно. – Мне своих проблем хватает, Николаевича в больницу забрали с приступом.

– Ого, ничего себе. Как он?

– Да вроде нормально, капельницу поставили. Так что за Романов?

– Ты с луны свалилась? Романов – самый главный бандит в городе.

Вспомнилось лицо Лехи, точно, наверное, была перестрелка. Лёха этот, что ли Романов.

– Говорят, его брат убил – Граф. Он типа, только из тюрьмы вышел и пошел сразу мстить брату, за то, что тот его туда засадил. Ну, вроде. Он и убил...

– Что? – ещё даже не села, повернулась к Мими.

Внутри все так и перевернулось. Только ещё сегодня я ви-дела Федора, сказала ему обо всем и теперь убит Романов.

Черт, так, наверное, это он или его люди Илью и убили. А Федор, значит, пошел разбираться с ним из-за меня?

Стоп! Стоп! Придумается же такое. Причем тут я, это их разборки? Не мои!

Начала торопливо переодеваться в костюм. В голове те-перь полная сумятица.

Глава 10

Пустота ящика заполнена звуками, не то чтобы отличная слышимость, но о чем говорят, соображаю. Обрывочно вникаю в беседы.

Следаки и эксперты мыслями делятся.

– Тело ещё не остыло... меньше часа... возможно, убийца был тут не так давно... а тот чуть больше. По времени одновременно... сначала тот, потом этот, и этот явно знал своего убийцу... нападения не ожидал, даже не защитился, как следует.

– Ну, если это братец его – Граф...

– Думаю, он рад был его приходу, налил выпить... два бокала...

Черт, ещё бокалы эти... пиздец, короче? Вся эта байда на меня ляжет.

– Главный с моей головы теперь не слезет.

– Оба убийства – рука одного и того же человека. Выполнены, я бы даже сказал талантливо, укол чем-то, наподобие шила, в одно и то же место.

Сука, я обязательно найду этого талантливого человека.

Лежу в ящике, внимаю. Каждое словцо в памяти записываю. Рассуждаю. За прослушиванием даже забыл о неудобстве и невыгодности своего положения. В ящике, точно в гробу. Они там на меня преступление вешают, а я ещё рас-

суждаю, как и кого, я искать буду. Во долбоёб.

Походу кому-то очень надо засадить меня за убийство двух человек и самому встать у руля подпольной городской деятельности. Я, конечно, не черный плащ и не супермен, но сдаётся, мне самому придется спасти город от ещё одного хитрожопого гражданина.

Я честно, уже и пожалел, что с Платоном не поспорил насчёт власти. Не думаю, что он бы меня шлепнул, да и я его вряд ли. Пободались бы маленько, рано или поздно, я бы его сместил. А теперь кто-то целенаправленно пытается притушить нас обоих и эпоху Романовых бесславно завершить.

Надо бы не допустить, чтобы вычеркнули мою кандидатуру. Рановато, сука.

Вот об этом всём я, лёжа в ящике, размышляю.

Не, ну, нормальный я вообще? Вокруг мусоров, как грязи, а я, бля, лежу и решаю про власть, которую отжать собираюсь.

А вообще, честно сказать, пока наручники не наденут, я не считаю себя пойманным. Сначала пусть попробуют меня найти. И те, и другие.

Походу, все затихло. Прикинул, сколько сейчас может быть времени. Судя по всему, около девяти вечера, это так, навскидку. Тишина окутала дом. И что-то подсказывает, он абсолютно опустел.

Хорошо бы.

Сначала, от волнения и страха, от подбадривающего адре-

налина, я был в состоянии, не обращающем внимания на положение моего тела, и даже сам скукоживался от разных подозрительных звуков и голосов. Но как только тишина проникла сквозь стенки ящика, я зашевелился, заерзал, плечами заворочал.

Жрать захотелось и ещё сильнее пить. Пока слушал ментовскую говорильню, тоже хотел, но не до того было, а сейчас прямо скрутило в желудке – так он пищу требовал

Пора выбираться – подумалось мне.

Пальцами полез искать открывашку.

Не валяться же тут до утра. Ночь – самое время для незаметных перемещений.

Ага, незаметных, тут у них камер до хера, на каждом полуметре прибито.

Стоп! Камеры!

Там же, походу, видно, кто, кого и за что убил.

И там, сука, убийца точно не я.

Но только тот, кто Лёху и Платона прихлопнул об этих самых камерах, тоже не дурак, не забыл. А если забыл, то он вообще дурак.

Нет, человек, провернувший такое, явно учел все малейшие детальки. А видео с камер, совсем не малейшая, а огромная, доказывающая улика, против которой ни один судья и прокурор не пойдёт. И если меня на той, сука, камере нет, как убийцы, а есть только как жертва, то вопрос бы вообще отпал сам собой. Если только сучок, который поста-

рался проверить кровавое своё дельце, не отключил все камеры в тот самый момент.

Эх. Ладно.

Пошарил ладонью по периметру, нащупал застёжку, открыл ящик.

Прислушался. Так ли тихо, как кажется. Слух у меня острый, ночью в своей камере я различал много разных звуков. Кому-то тишина, а мне – ночная жизнь заключённых и охраны. В той тишине много чего можно расслышать. Кто читает, перелистывая страницы. Кто дрожит, а кому-то повезло больше, есть дежурная задница. Кто плачет, кто вздыхает, а кто притаился, так же, как я, слушает.

Вот сейчас слышу отдельный звук, совершенно четкий. Я медленно выбрался из ящика. Замер на полу под кроватью. Снова прислушался. Так и есть – шаги. Словно крадётся кто. Что-то скрипнуло. Человек неосторожен, пуглив, делает резкие движения. Приближается к спальне. Уже совсем подошел.

Если это он убийца, то нужно быть готовым. У него, наверное, пушка или нож, а у меня ничего – только руки и ноги. Надеюсь справиться малым.

Если видел меня на камерах, то знает где я и идёт доделывать незавершенное.

Тогда почему так суетливо?

Нет, это не убийца.

Лежу под кроватью, притаился, не двигаюсь. Вижу в по-

лутьме, дверь медленно открывается. В черноте проема – кроссовки Найк белым пятном разрезали темноту и вызвали улыбку на моих губах...

– Что-то долго ты? – говорю из-под кровати.

Человек нагнулся, заглянул.

– Ну, ты, мужик, даёшь, ни на день тебя нельзя оставить.

Костя.

Он подал мне руку, потянул, и я вылез из-под кровати.

– Какого хрена ты тут делаешь? – спрашиваю удивлённо.

– Ящик вспомнил. Подумал, вдруг ты в него залез, да выбраться не смог.

Я усмехнулся. Вот это я понимаю – друг.

– Как ты вообще сюда попал? Там же легавые, наверняка, все опечатали и патрульных оставили.

– Ну, точно не через главный вход, что я дурачок, что ли? Через забор перелез, – усмехается в темноте.

– Трёхметровый? – с сомнением глянул я. – Это что, мы сейчас через забор полезем? Что-то я не готов.

– Полезем, Федя, ещё как полезем. Ты же не хочешь на зону, и я не хочу.

Вздыхнул обречённо, тут он прав на все сто. Хошь не хошь, а от страха тюрьмы, куда надо и не надо полезешь. Вон, в фильме, который я раз двести смотрел, Энди Дюфрейн сквозь коллекторную трубу с дерьмом пролез, так на свободу рвался. А тут какой-то всего лишь трёхметровый забор. Да не вопрос, как два пальца об асфальт.

Бесшумно двигаемся по дому. Кругом тишина мертвая. Через заднюю дверь выбрались во двор, на противоположную от главных ворот сторону.

– Ты, я смотрю, навыков конспирации не растерял ещё, – шепчу Косте.

– Пока тебя дождешься... на пейнтбол с пацанами ходим, пострелять-то хочется. Ну, и на охоту пару раз в год, – шепчет.

Крадёмся, две темные фигуры меж деревьев. Дошли до стены, там приставлена лестница.

– Ни хрена се, ты что лестницу припер? – удивлён я.

– Пришлось, – усмехается гордо, – давай, ты первый.

Я быстро полез по раздвижной алюминиевой лестнице, сел на козырек стены. Костя за мной. Перекинули лестницу на другую сторону и тут с тихим свистом что-то ужалило меня в жопу.

– Блять, Костя, – я схватился за задницу, – кажись, кто-то нас ждал.

В пару мгновений мы очутились внизу. Побежали, Костя впереди, а я сзади, держась за задницу и слегка подволакивая ногу. Боль пока только в заднице, но нога начинает неметь. Между кустами выбежали на дорогу, где стоит машина. Я придерживаю задницу и чувствую липкую кровь.

– Вот, блять, сука, Костя, гони! – упал я на заднее живото-м.

Мотор взревел, машина тронулась и понеслась.

– Куда едем? – Костян оборачивается в темноте.

– На дорогу смотри, бля, я думаю! – хреново дело, чувствую, боль поползла по ноге и на спину.

– Надо к доктору! – выкрикивает Костя.

– Да нас любой сдаст сразу. Эх, жаль Михалыча уже нет, вот то был доктор, – вспомнил я доктора, который нас латал.

– А с пулей в жопе лучше?

– Чувствую, она недалеко застряла, сами вытянем, – предлагаю.

– Ты чё, бля, совсем поехал! Я не умею из жопы пули вытягивать. Блять, чё делать? На хату нельзя, в мастерскую тоже нельзя, ко мне нельзя, догадаются.

– Давай, знаешь куда, я сейчас тебе объясню, – говорю.

На ум пришел нестандартный выход из ситуации.

Глава 11

В пять утра смена моя закончилась. Как обычно, вызвали с Мими такси на двоих.

– Фух, устала, – плюхнулась она на сидение рядом со мной.

– Ну, а что ты хочешь? – пожалала я плечом.

– Ещё если бы была приличная публика, а то сидят три калеки и два извращенца.

– Ага, мечтай, хочешь, чтобы белые воротнички ходили в такую дыру. Я вообще не понимаю, что ты тут делаешь? Я ладно, по возрасту не подхожу уже никуда, они как в паспорт мой заглянут, так сразу головой крутят – нет, типа.

– Я уже побегала по тем клубам. Здесь хотя бы тихо, – вздыхает Мими.

– До поры до времени тихо. Это и нехорошо.

– Ну, не знаю, вот сейчас приду домой, спать лягу, когда мне на кастинги ходить?

– Ты молодая ещё, делай что-то, это у меня уже всё, последний танцевальный этап. Если Шурик выгонит, пойду кассиршей в супермаркет. А тебе ещё работать и работать.

– Ну, ты не наговаривай на себя, ты ещё всем нам покажешь.

Я только вздохнула.

Мими высадили возле её дома и поехала машина такси

дальше. За окном уже сумерки рассвета. Еду, смотрю в пустоту окна и понимаю всю непроглядность моей жизни. Нужно что-то менять, уже вот сейчас нужно. Но как это сделать, ума не приложу. Не могу сдвинуться с места. Страшно. Отсюда уйду, а вдруг не найду ничего другого и тогда точно кассиршей во флисовой жилетке, в супермаркет.

Еду домой. Николаевич в больнице, Егор у Макса, квартира пустая. Впервые за долгое время я буду там одна. Спокойно отдохну и никто не будет выносить мне мозг.

Такси остановилось возле дома. Я протянула водителю купюру, поворачиваю голову, вижу, в окне кухни свет горит. Что за фигня? Быстро взяла сдачу. Вышла из машины, торопливо зашла в подъезд. Поднялась на второй этаж, у квартиры остановилась, прислушалась.

Наверное, это Егор не пошел к Максиму или притащил его сюда, а свет забыли на кухне выключить. Да, скорее всего, именно так. Егор по ночам не шастает, спит крепко.

Ухо приложила к двери, ничего: ни разговора, ни шагов. Свежо ещё в памяти посещение бандитов. Не хочется снова увидеть их противные рожи. Если бы это были бандиты, не думаю, что они бы включили свет на кухне, ведь я сразу увижу его, когда приеду. Логичнее в темное, чтобы напугать, или у Николаевича, у него окна выходят на другую сторону дома. Но нет, свет почему-то на кухне. Точно Егор.

А может, вызвать полицию?

Пока рассуждала об этом, вытащила из сумки газовый

баллончик. Достала ключи, вставила ключ в замок, еле слышно повернула и медленно, бесшумно открыла дверь. Внутри всё напряглось в ожидании неизвестности, кажется, сейчас, как выскочит кто-то... наверное, лучше всё-таки было вызвать полицию.

Дверь открылась, в прихожей тоже горит свет и никого. Что за чёрт. В квартиру не захожу, на всякий случай, чтобы в случае опасности успеть убежать. Стою на пороге, боюсь ступить шаг.

Вдруг из кухни голос:

– Блять, как же больно...

– Подожди, дай я сам...

Один из них точно голос Фёдора!

Торопливо закрыла входную дверь и в два шага очутилась на пороге кухни... и что я вижу, картина охренеть какая – Фёдор нагнулся, оперся локтями о кухонную столешницу, а штаны его спущены до колен и вся его бронзовая задница, абсолютно голая... а сзади стоит мужик, нагнулся над загорелой жопой Фёдора и что-то там трогает.

– Вы что, охренели, педики чертовы! – возмущённо прошипела.

От такой картины у любого дар речи отнимется.

Эти повернулись, переглянулись, типа, я тут вообще ничего не понимаю в их замысловатой любви. А я взгляд от задницы оторвать не могу и вижу на крепкой ягодице Фёдора кровавое что-то, отверстие что ли, и кровь сочится, ка-

падет прямо на плитку кухни. Слава богу, это совсем другое отверстие.

– Попали мы с тобой, Костян, – говорит Фёдор и на другого мужика косится, – теперь ещё и в педики нас запишут.

– Вы охренели! – всё ещё возмущаясь, подхожу ближе.

Да, сочная булка Фёдора всё-таки с дыркой.

– Вы идиоты, какого хрена сюда притащились?

– Любимая, а куда мы должны пойти? – успокаивает Фёдор. – Меня дома либо менты, либо бандюки поджидают. Хочешь, чтобы меня шлёпнули? Тогда наше с тобой счастье уже не повторится.

– Так бандиты и сюда придут, ты совсем, что ли сбрендил? Мало тебе, что они, из-за тебя, у меня перед лицом ножичком грозили. А если бы тут Николаевич был или ребёнок?

– Но их же нет.

– Да нет, но это исключительный случай, понимаешь? За всё время такого никогда не было. Николаевича в больницу забрали, а Егор пошел к другу ночевать. И надо же было тебе притащиться. У меня тут уже не квартира, а проходной двор, все, кто хочет, заходят и выходят, как будто двери тут совсем нет. Кто хочешь...

– Видишь, как всё удачно складывается, – усмехается Фёдор.

– Ну, ладно, хватит орать, видишь, у него в жопе дырка, нужно что-то делать, – говорит мужик, стоящий сзади, Костян, как назвал его Фёдор.

Он взял кусок бинта и приложил к ране, бинт тут же пропитался кровью.

– Что ты делаешь? – говорю возмущённо, – Это же без толку, там дырка у него.

– Давай, Лили, доставай свои аптечки, будем из моей задницы пулю извлекать.

– Что?! Там пуля? Этого ещё мне не хватало. Боже, откуда ты взялся на мою голову.

– Откуда взялся, там уже нет. Хватит варнякать, сильно ты болтливая.

– Сейчас же, выметайтесь отсюда оба. Мне не нужны проблемы с законом, встала у двери и на выход показываю.

– Нам тоже не нужны, поверь, – повернулся Фёдор.

– Ну, так, я тут причём?

– Слушай, может, хватит уже. Мне, конечно, нравятся женщины с огоньком, но когда сильно скандальные, это уже через край.

От этих слов я немного притихла и сказала уже спокойно:

– Действительно, чего это я? Ничего такого, всего лишь человек с пулей в жопе у меня дома, совершенно обыденная ситуация. И чего это я так распереживалась?

– Ну, так что, будем стоять? – требовательно глянул Фёдор.

– Черт, как ты меня достал за последние дни, – возмущённо выдохнула и пошла в ванную за аптечкой.

– Давно бы так, – усмехнулся Фёдор вдогонку.

У меня нет опыта доставания пули, но за эти годы болезни Николаевича я стала, как настоящая медсестра. Уже всё могу: и укол поставить и даже капельницу. Поэтому вид раны Фёдора не сильно меня испугал, и я вполне себе понимаю, что нужно делать, чтобы пулю извлечь.

Глава 12

Не без проблем и не без лишней крови, мы с Костей полчаса копались, вытягивая пулю. Одна бы я точно не справилась. Так, тремя умами, кто что подсказал, кто что в кино видел, достали маленькую железную заразу. Чтоб её.

Федор, конечно, оказался ещё тем бугаём, за всё время, пока мы ковыряли у него в дырке, ни пикнул, ни слова, наверное, меня стесняется.

– У тебя золотые руки, Лилиана, особенно пальчики, – сказал Фёдор и в этом почувствовался какой-то пошлый намек, совсем не на то, как я пулю извлекала.

– Главное, как ты своими пальчиками золотыми меня благодарить будешь, – усмехнулась я.

Когда, наконец, обеззаразили и заклеили рану, Костя сказал:

– Ладно, думаю мне уже пора, пойду, не буду вам мешать обсуждать у кого какие пальчики.

– Давай, брателла, – пожали друг другу руки, – да, Костя, – позвал, когда тот был уже возле двери, – Спасибо. Если бы не ты...

– Ну, о чем ты, – кивнул Костя.

Видно, хороший человек и настоящий друг.

Он ушел.

Фёдор натянул штаны, застегнул.

– Ну, что показывай, где у тебя тут можно поспать, – говорит, кривя рот от болевых ощущений.

– Здравсти, ты что тут ещё и спать собрался?

– Детка, а где мне спать, если не у любимой женщины? – удивлённо вскинул брови.

– Вот у любимой женщины и спи, – развернулась уносить аптечку, он меня за локоть остановил.

– Так ты – моя любимая женщина.

– Приятно, конечно, но что толку мне от такого мужика? Тебя не сегодня-завтра полиция загребёт, я не собираюсь следующие пятнадцать лет тебе на зону сухари таскать. Мне есть о ком заботиться, извини.

Отпустил. Правду сказала.

– Ладно, дай хоть час поспать, где я сейчас спать должен, на скамейке в парке?

На лице его печать усталости, видно, как и я, с вечера глаз не сомкнул. Молча махнула головой, чтобы шел за мной. Вошли в комнату, где я с Егором сплю. Указала на свою кровать.

– Сюда ложись, а я на Егоркину лягу.

– Так мы тут вдвоём поместимся, – Фёдор улыбается.

– Давай ложись, а то пойдёшь на лавочку, – говорю строго.

Лёг на бок, так, чтобы с той стороны задницы не зацепить, рукой голову подпер. Я пошла в ванную, переоделась в пижаму, не стала ночнушку надевать от греха подальше.

Захожу.

Фёдор уже глаза закрыл, спит. Ну, и хорошо, меньше разговоров, скорее отдохнуть лягу. Подошла к кровати Егора. Из-за штор уже раннее утро, неясное пока, серое.

Села на кровать, только хотела прилечь, Фёдор говорит:

– Иди сюда.

– Зачем?

– Иди, – подвинулся и ладонью хлопает рядом с собой.

Вздыхнула, встала с Егора кровати и пошла к Фёдору, легла рядом. Повернулась на бок от него. Он обхватил рукой, притянул, прижал плотно. Так и заснули.

—

Заснул, но всё снится и снится мне боль. Бродит она по телу, хватает за одно и то же место. Даже близость Лилианы не спасает. Даже то, что уперся ей в задницу равнодушным членом, не помогает отключиться от боли. Она сильнее всего. Глушит желание, выворачивает мысли. Чувствую, как подтрушивает моё тело. Ни от жара, ни от озноба, а от боли. Её можно терпеть. Так и делаю...

Что-то стукнуло, зашуршало, я открыл один глаз.

За столом сидит пацан в наушниках и шпарится в игру, совершенно не обращая внимания на то, что его мамаша с мужиком в кровати валяется.

Во поколение, только один интерес... ну, может, два.

Быстро зыркнул, лежим вроде прилично, мои руки никуда

не засунуты. Уже легче.

Не хочется портить мнение отпрыска, ненужные тёрки тереть. Мне ещё перед ним обаятельного папашу корчить, раз я с Лилианой в такие тесные отношения вклинился. Без отпрыска они никак не получатся. Он, смотрю, для неё – вопрос острый. Меня лучше бросит, только, чтобы ему угодить. Видно, чувствует перед ним какую-то вину. Но это не моё, собственно, дело, в чём она перед ним виновата.

На стене часы. Мать его, два часа, а я тут валяюсь.

Подорвался вставать, аккуратно, чтобы Лилиану не потревожить. Но она всё равно потревожилась. Не могу я, такая махина, даже с осторожностью двинуться, чтобы муравьёв не передавить.

Лили открыла глаза и испуганно на меня уставилась.

– Сонная, ты ещё больше красивая.

Она перевела взгляд на сынка, а тот вообще ухом не ведёт, шпарится, как тот маньяк-зомби, в игру которого он играет. Из наушников такой ор, что мы тут с Лилианой хоть во всё горло заорём, тот не услышит.

– Чёрт, – она быстро села. – Ну, вот, теперь он будет думать...

– Ну, и пусть думает.

– Тебе всё бы шутить, – недовольная подскочила и из комнаты, умываться, наверное.

Не прошло и минуты, возвращается... только задом пятится. Вижу такое дело, естественно, тут же с кровати вско-

чил, не без кривого перекоса на лице, конечно. Жопа-то болит, хоть уже и без пули.

Быстро к двери. До слуха донеслось ковыряние в замке. Кто-то пытается проникнуть в квартиру и это явно не менты.

Лилиана рот ладонью закрыла, чтоб не закричать. Я беззвучно показываю, зайди в комнату и дверь закрой, лучше на замок. Не заметил, есть на той двери замок или нет, но показываю, как задвижку.

Она пальцем в меня тычет, типа – А ты?

Я злобно показал, чтоб быстро в комнату свалила. Она поняла, по моему сердитому выражению лица, лучше не спорить. Исчезла в комнате и тихо прикрыла за собой дверь. Щёлкнула задвижка.

Я снова на входную дверь. Хорошо босиком, прошел на цыпочках, встал за дверью. Вошедший точно пройдёт. Только вот не подумал, если их двое, трое и обязательно с перьями и пушками, как тогда?

Эх, нужно было Лилиане сказать, чтобы мусоров вызывала. Я хоть и большой, а пуля маленькая, но смотря куда попадёт. Короче, действую по обстоятельствам.

Замок щёлкнул, отмычка сработала. Вот-вот дверь откроется.

– Вы к кому это? – послышалось из-за двери.

Не верю собственным ушам. Быстро к глазку. Какая-то бабка на лестничную клетку вышла из соседней квартиры и громко так, на весь подъезд спрашивает.

На площадке стоит парень в яркой спортивной куртке.

– А, так я это, я электрик, бабуля, проверяю счётчики.

– У меня проверьте. Кто-то свет у меня ворует. Это Лилька, точно она, больше некому. Вечно к ней какие-то мужики подозрительные таскаются, а пацан у неё до того хулиган, каких свет не видывал...

– Проверим, бабуля, к вам после приду. Сначала в этой квартире посмотрю.

– Ага, ну, так я и жду. Два раза звоните, если один раз, могу не услышать.

– Хорошо, не вопрос, бабуля. Идите. Приду через минут двадцать, пока акты, пока пломба.

– Ага, ага, – и бабка скрылась за своей дверью.

Глава 13

Пока это чмо с бабкой светские беседы ведёт, я открываю дверь, аккурат в тот момент, когда бабкина дверь закрывается, хватаю хлюпика за шею и затягиваю его в квартиру. Осматриваю и вижу худое нестабильное чмо.

– Ты что это, сучок, тут возишься. Двери перепутал? – грозно рыкаю в его шмыгающий нос.

– Ой, ай, пожалуйста, не бейте, я всё расскажу, всё расскажу, – заныло чудило.

– Конечно, ты всё скажешь, урод, – я сдавил ему шею пальцами одной руки.

– Прошу вас, не убивайте, пощадите, это не я... – хлипкий, как бы не обоссался от страха.

– Кто и какого хрена тебя сюда послал?

– Я не знаю, я тут ни при чём, сказали какого-то Графа выслеживать, если найду, сразу звонить.

– А ты, хитрая падла, – улыбаюсь в его страхом перекошённую рожу, – что ты мне тут втираешь, хочешь сказать, не знаешь, как выглядит Граф?

– Ой, это вы? Простите, сразу не признал. Это от испуга, вы ж схватили...

Сдавил я ему голову ладонями, точно в тиски.

– Давай, торчок, колись, какая падла тебя сюда прислала? Говори, сука, только правду и ничего, кроме правды, а то

тебе прямо сейчас мозги раздавлю.

– Ай, не надо, – стонет, – это не я, это Шило, он все придумал. Это его план.

– Где найти этого урода?

– А ты меня отпустишь, легавым не сдашь?

– Скажешь правду, отпущу, – ещё немного сдавил.

– Ай, я понял, понял, он в клубе Икс. Это его клуб, там и ошивается. Только там и мышь не проскочит, а тебя каждая собака в лицо знает. Не достать тебе Шило, он хитрый. Платошка тупой был...

– Ну, уж и тупой, столько лет управлял, сколько бизнеса отжал и обороты нарастил...

– Так чьими руками, не своими же... – выдавливает худое, наркоманское чмо. – Шило лично на всех операциях руководил. Вот и подумал, на хрена тот Платошка нужен. Он же в доме окопался, нос наружу боялся высунуть. Это что, босс?

– Так тот его решил, значит подтолкнуть и не своими руками. Ну, а чё, хороший ведь план, значит, это он Платона грохнул?

– Я не зна...

– Говори, сука, кто брата грохнул? – сержусь.

– Да, да, он, – ртом хватает воздух.

Тут я отпустил. Хлюпик сразу за голову схватился.

– Зачем вы так, я же вам ничего не сделал? – ноет.

– План-то хороший, только мне от него пользы никакой.

Шило власти захотелось, а меня на зону, он что, вообще рам-

сы попутал? А какого хрена ты сюда притащился?

– Ай... так телку пугнуть, чтобы сдала, где ты прячешься.

– Ну, сдала бы и дальше чё? А если бы не знала, а, сука, отвечай, если бы она не знала?! – уже голос повышаю, представляю, как он бы признание из неё выбивал.

– Да я-то что, я ничего...

– Сука, – размахнулся, хотел стукнуть по печени, но тот так сжался и заскулил, что я не стал, ударю ещё, окочуриться от моего кулака и будет точно на мне первый труп.

– Не бейте, что хотите делайте, только не бейте, – заныл сучара.

– Так, что же мне с тобой делать?

– Клянусь, если отпустите, не скажу никому ничего. Скажу – не было никого.

– Ты что, меня за дурачка считаешь?

Убивать его нет резона, но только отпущу, сразу побежит сдавать меня этому уроду Шило, а мне бы с ним самому погугарить.

– Лиля! – крикнул.

Дверь сразу открылась. Лилиана вышла, испуганно глянула на парня, потом вопросительно на меня. Из комнаты пацан показался.

– Вызывай такси. Отвезу его на базу, нельзя отпускать.

– Ты с ума сошел, какого...

– Замолчи, – сказал сурово и она сразу замолчала.

Пошла в комнату. Через минуту я услышал:

– Алло, можно машину, да, по адресу...

– Ну, что, прокатимся? – говорю худому.

– А вы что, меня не отпустите? – жалобно проскулил торчок. – Я не могу, мне нельзя.

– Отпущу, только позже, – я обулся, – Лиля, дай пару сотен на такси.

Она вздохнула, пошла в комнату, вышла с деньгами в руке.

– Держи, женишок. Скажи этим уродам, что я камеру сегодня поставлю, а то ходят уже, как к себе домой.

Я взял парнягу за шкварник и потянул к выходу. Он не сильно, но упирается.

– Да, Лили, давай-ка, собери вещи, только необходимое, нужно отсюда сваливать.

– Куда? Ты рехнулся? – глаза выпучила.

– А ты хочешь, чтобы они сюда киллера прислали? Давай, не выделывайся. Собирайся, через полчаса приеду, заберу тебя с пацаном.

Она раздраженно вздохнула, повернулась и зашла в комнату.

—

Не, ну нормально. Бандюки уже ко мне стадами ходят, то один заглянет, то другой зайдёт. А если бы Фёдора тут не было сейчас, глянула на Егора, он на меня.

– Мам, это кто?

– Собирайся, – сказала строго, – мы уезжаем.

– Куда? Я не хочу, – возмущённо взбрыкнул.

– Я не спрашиваю, хочешь или нет, я говорю – собирайся.

– Мы с Максом сегодня должны были в магаз идти, дроны смотреть. Ему предки деньги подарили и он...

Я встала посреди комнаты, показывая, что мне сейчас совсем нет дела до предков Макса.

– Егор, слушай сюда внимательно, эти люди – бандиты, понимаешь? Вот сейчас этот худой пришел к нам с тобой, чтобы... – я замолкла, не хочется пугать сына, но если не испугать, он же упрямый, как осёл, пришлось договаривать, – нас убить.

– Ты чё, реально, вот тот хлюпик? Да я его одной левой...

– Так, ладно, – я достала сумку из шкафа, схватила рюкзак и кинула Егору в руки, – собирай вещи: трусы, носки, пару футболок и одни джинсы.

– Мам, так ты серьёзно?

– Очень серьёзно, сынок, мы должны на некоторое время отсюда уйти.

– Куда?

– Сейчас дядя Фёдор приедет и отвезёт нас в безопасное место.

– А там хоть комп есть? Я должен сегодня собрать монеты и ежедневное задание.

– Всё там есть, – сама-то не знаю, есть или нет, но это

неважно.

Главное – пообещать, лишь бы свалить отсюда поскорее, пока ещё какой-нибудь заплутавший бандит не заглянул к нам на огонёк.

– Ну, тогда ок, – ответил сын и начал собирать вещи.

Мы быстро собрались и пока ждали Фёдора, Егор снова сел за игру, а я сижу, смотрю на него и думаю – каким образом я вляпалась в это дерьмо?

Каким, каким, меньше нужно было в клубе ноги раздвигать, не вляпалась бы. По-другому бы никак не вышло. В той гадюшне, где я работаю, нормального мужика не найдёшь.

Сегодня ещё в ночную на работу. Неохота, а надо.

Как и сказал, Фёдор приехал почти ровно через полчаса. Мы с Егором вышли, у подъезда стоит какое-то старьё, за рулём тот самый Костя, что утром был.

– А что, получше машины не нашлось? – говорю недовольно.

– Садись, королева, прокачу, – улыбается Костя.

Я села, Егор рядом. Фёдор впереди еле втиснулся в то бедное сидение.

– Ну, и куда ты нас повезёшь?

– Куда, куда, в апартаменты, куда ещё.

– Мне сегодня ещё в больницу, к Николаевичу, и на работу к девяти, – предупреждаю заранее.

– На какую ещё работу? – Фёдор повернулся и недовольно смерил меня взглядом.

– На обычную, где зарплату платят.

– Давай, Лили, договоримся, с сегодняшнего дня ты увольняешься.

Мы с Егором аж переглянулись.

– Ага, размечтался, – недовольно скривилась я.

Глава 14

Предварительно проверив карманы, хилого я забросил на базу, повёл аккурат в ту комнату, откуда только недавно Лириану выводил. Отпускать его никак нельзя, нужно, пока свежо дело, действовать. Пока Шило ждёт результатов, нужно идти и нападать на самого Шило. Вот только, как это сделать, когда он с вооруженными, может, даже моими бывшими бойцами, окопался в своём клубе.

Задача стоит – будем выполнять.

– Я осознал, всё осознал, – скулит торчок, – я больше так не буду, куда вы меня?

– Заткнись, урод, раньше надо было думать? – говорит Андрюха.

Он держит хилого за капюшон куртки и тянет, как ту марионетку с болтающимися руками и ногами. Я иду немного сзади, задумчиво решаю, как дальше быть.

– Вы меня убьёте? Пожалуйста, не убивайте, я вам ещё пригожусь. Граф, не убивай, я много чего умею, и машины ремонтировать...

– На хрен ты нам нужен, ты же торчок, – усмехается Андрюха.

– Нет, нет, я завяжу, давно собираюсь, я могу быть вам полезным.

Открыли дверь в тёмную комнату, и парень ещё сильнее

задергался.

– Нет, нет, я боюсь темноты, там могут быть пауки и со-роконожки.

– Бросай его, – сказал я Андрюхе, – пусть посидит немно-го, пока мы его дружка Шило пойдём учить уму-разуму.

– Нет, пожалуйста, я помогу! – выкрикивает, в ужасе гля-дя в темноту комнаты, – вы не сможете в его клуб так зайти, я знаю, как вам лучше, клянусь!

Мы с Андрюхой переглянулись.

– Ладно, посидишь недолго, повезло тебе сегодня, – гово-рю, глядя на худое чучело, – сейчас я вернусь, и ты расска-жешь, как нам в клуб попасть.

– Я всё скажу, всё, только, пожалуйста, включите свет, я с детства темноты боюсь.

Андрюха втолкнул его в тёмную комнату, и мы услышали душераздирающие виги.

– Помогите, помогите! Тут паук!

Я щёлкнул выключатель у двери, что включает свет в ком-нате, визги сразу прекратились.

– Ну, вот будем знать, как на парня воздействовать, так он нам всё расскажет, даже семейные секреты своей мамыши.

—

Лилиану забрал с пацаном, привез к себе на кварти-ру. Поднялись в апартаменты. Я открыл дверь, впустил но-

вых постояльцев. С одной стороны, так спокойнее и я даже немного рад, что так получилось, а с другой, хрен его знает, как дальше быть, нужно разруливать как-то.

– Ух ты, ничего себе, плазма во всю стену, охренеть! А у вас есть приставка? – пацан больше рад, чем малышка.

– Будет тебе приставка, – улыбаюсь, как добрый дядя Федя.

– А у вас есть комп?

– Компа нет, ноутбук вон там, я с ним ещё не разобрался, – указал на стол.

– А можно? – у пацана, смотрю, глазки загорелись.

А что, нормально, сунем ему игрушку, пусть играет, пока я Лилиану в ванной буду дрючить. Подумал, представил и за жопу взялся. Наверное, пока не получится так уж активно дрючить, пусть задница немного затихнет. С этой болью и член нормально не встанет, а малышка подумает, что я хренов импотент.

– Э, куда, нельзя ему за компьютер, – Лилиана возмутилась, – сначала контроль поставить, а потом только.

– Та, мам, я не буду никуда лазить, – возмущается пацан.

– Знаю я, как ты не будешь.

– Пусть пацан разбирается, – строю добряка.

– Так он и разбирается на сайтах для взрослых, похлеще тебя разбирается, – говорит язвительно.

– Ну, короче, сами тут решайте. Когда там у твоего Николаевича часы посещения? – вспомнил про больного деда.

– С пяти до семи.

– Я приеду в полшестого-шесть, отвезу вас.

– Хорошо, – она посмотрела уже не так напряженно, – тогда я пока приготовлю что-то на ужин, чтобы вы тут без меня не голодали.

– Почему без тебя? – не понял.

– Мне на работу, к девяти. Забыл? – деловито прошла по кухне.

– Слушай, ты достала со своей работой...

– Если меня выгонят, я уже не смогу зарабатывать, а мне семью...

– А тебе и не надо зарабатывать, – перебил я, открыл шкафчик, где лежат деньги, – вот, бери сколько надо.

– Ух ты, сколько денег, – кинулся пацан, – тут и на дрон хватит.

– А ну, стоять, – осадила его Лилиана, – это не наши деньги, и брать их мы не будем.

– Ну, что ты, как маленькая, это на продукты и что там тебе ещё нужно, всякие там женские штучки, – усмехнулся я.

– Хорошо, я поняла, можешь не утруждать себя перечислением.

Руки в бока упёрла. Стройная такая, хорошенькая, в розовой кофточке, прямо конфеточка, а у меня жопа болит. Некстати.

– Ладно, вон там пульта, я пошел. Срочные дела. Вы тут располагайтесь.

Фёдор ушел. Я осмотрелась. В такой ситуации квартира уже не кажется мне дорогим, любовным гнёздышком.

Егор схватил пульт от телевизора, завалился на диван и начал щёлкать.

– Ого, мам, смотри тут всё: и интернет, и видосы, и каналы.

– Ну, вот и смотри мультики, но если увижу что-то запрещённое, заберу все пульты, – указала пальцем в телевизор.

Сын недовольно поёрзал.

– Да понял уже, чего по сто раз повторять.

Ну, а я скорее к кухне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.